

Подопытная мечта

«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» АЛВИСА ХЕРМАНИСА

В ЦЮРИХЕ Роман Должанский

К «СОБАЧЬЕМУ СЕРДЦУ» ХЕРМАНИС ПРИМЕРИВАЛСЯ ДАВНО И ДАЖЕ ХОТЕЛ ЕГО ДЕЛАТЬ В МОСКВЕ. НО ПОСТАВИЛ В РЕЗУЛЬТАТЕ В ЦЮРИХЕ, В ШАУШПИЛЬХАУЗЕ. МОТИВЫ И ТЕМЫ БУЛГАКОВСКОЙ ПОВЕСТИ ПОЛУЧИЛИ В СПЕКТАКЛЕ НОВОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ — КАК ЧАЩЕ ВСЕГО У ХЕРМАНИСА, НЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ХОТЯ ПОЛИТИКА ЭТОГО РЕЖИССЕРА В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ, КАЖЕТСЯ, БУКВАЛЬНО ПРЕСЛЕДУЕТ

АЛВИСА Херманиса не чуждые театру люди у нас не только помнят, но и любят — спектакли руководимого им Нового Рижского театра всегда имели успех на гастролях, с неизменными аншлагами идут в Москве уже десять лет его «Рассказы Шукшина», рецензий на его спектакль по стихам Бродского с участием Михаила Барышникова в России было больше, чем где бы то ни было в мире. Но ни режиссер, ни его театр в Россию давно не приезжали: при обмене санкционными списками Латвия закрыла въезд нескольким нашим эстрадным исполнителям, а Херманис оказался жертвой «симметричного ответа». Меж тем его бы не отлучать (отлучать вообще никого не следует), а пригласить и наградить надо: нет другого зарубежного режиссера с мировым именем, который так последовательно ставил бы в европейских театрах русскую классику — от Пушкина до Горького, от Чехова до Островского. Правда, в последние годы Херманис развивал в Европе по преимуществу свою оперную карьеру, но и о драме все-таки не забывал. И о хорошей русской литературе — тоже.

Действие цюрихского «Собачьего сердца» целиком замкнуто в квартире профессора Преображенского, пожилого, фанатично преданного своему врачебному искусству ученого — здесь он главный герой и главный объект режиссерского внимания (играет его знаменитый артист Роберт Хунгер-Бюлер). Большая профессорская квартира — еще один если и не «герой», то персонаж истории. Алвис Херманис, сам оформивший спектакль, воспроизводит интерьеры с тщательностью придирчивого любителя мельчайших бытовых деталей (камин и морозный узор на окнах, посуда и напольные часы, семейные фотографии на стенах и мягкая мебель). Вот только мир уже расколот, разбит на отдельные фрагменты — квартира Преображенского «разобрана» на небольшие модули, свободно перемещающиеся по сцене. Стены-ширмы то разъезжаются в стороны, то «складываются» в прихожую или операционную, смотровую или столовую, и эти сценографические «танцы» становятся важными интермедиями. В них видятся угрозы гораздо более страшные, чем те, что несут с собой Швондер и его компания, приبلудные комедианты сродни молодящимся пациентам Преображенского. Вообще, театр Херманиса — не про политику, не про революции и вихри враждебные. Время, место и обстоятельства действия для него всегда очень важны, но говорит он совсем о другом: о времени, о возрасте, об одиночестве, об отцах и детях, мужьях и женах,



о семье и о мечтах, в общем, о маленьких жизнях, которые проистекают на фоне подчас весьма бурных исторических событий. У профессора Преображенского тоже была мечта — о гениальной операции, и вот она осуществилась. В спектакле «Собачье сердце» сцена этой операции едва ли не самая красивая, таинственная и захватывающая, словно волшебный механизм работает, и на фоне белых покрывал и халатов буквально летают в воздухе маленькие кровавые кусочки внутренностей человека и собаки. И вовсе не для страданий, как и не для революций, был задуман профессором новый человек, здесь из Шарикова ставший Люмпиковым, косматый и кособокий инвалид в отличном исполнении Фрица Фенне, который, что бы ни вытворял, никак не может вызвать отвращения (или страха) большего, чем жалость к нему.

Интересно, как в сегодняшней Швейцарии преломились булгаковские темы. Да еще и принесенные Алвисом Херманисом — пару лет назад, сделав довольно резкие заявления против массового приема сирийских беженцев Германией, латышский режиссер для многих европейских театров, в особенности немецкоязычных, стал «нерукоподаваемым» правым. И хотя страсти с тех пор поутихли, а приглашения на постановки вновь приходят, встречают Херманиса по-прежнему с опаской. Заодно может достаться и драматургу: через пару дней после начала репетиций в

Шаушпильхаузе первый исполнитель роли Люмпикова играть отказался — вникнув в материал, он посчитал, что Булгаков издевается в своей повести над рабочим классом, поэтому социал-демократические убеждения актера были оскорблены. «Ну в известной мере он прав», — соглашается Херманис. Правда, история до боли напоминает что-то родное. Как и то, что цюрихские друзья упростили постановщика на всякий случай не давать интервью местным газетам. А то, что потом кто-то из рецензентов в образе Люмпикова все равно углядел карикатуру на несчастных беженцев, уже не может вызвать ничего, кроме банальных причитаний в духе «мир сошел с ума».

Что касается спектакля, то Херманис, в сущности, поставил грустную сказку про ученого, чья жизнь подошла к концу, а фантазия так и не осуществилась — подопытный стал опять собачкой, доктор Борменталь куда-то исчез, и профессор Преображенский остался в пустом доме один. В финале он как-то быстро стареет и в его облике вдруг явственно проступает портретное сходство с Альбертом Эйнштейном — который тоже ведь одно время был цюрихским жителем. Он бродит по своей «распадающейся» квартире, и все революционные потрясения кажутся ничем перед темной, которая непременно поджидает каждого, революционера и консерватора, беженца и националиста.